Отдѣлъ первый.

Ученіе Толстого.

I.

Церковь оттолкнула отъ себя Толстого и странностью догматовъ и одобреніемъ казней, гоненій, войнъ и тѣмъ, что разныя исповѣданія отрицаютъ другъ друга. Особенно же была подорвана вѣра въ церковь ея равнодушіемъ къ сущности ученія Христа и пристрастіемъ къ тому, что отнюдь не можетъ быть признано важнымъ. Толстой не могъ примириться съ мыслью, что церковь легко оправдываетъ всякое зло, что завѣты Христа о смиреніи, неосужденіи, прощеніи обидъ, самоотверженіи и любви возвеличиваются церковью на словахъ, на дѣлѣ же одобряются поступки, несовмѣстимые съ этимъ ученіемъ.

Толстой читалъ и перечитывалъ Нагорную проповѣдь и всегда приходилъ въ восторгъ при чтеніи стиховъ о подставленіи щеки, объ отдачѣ рубахи, примиреніи со всѣми, о любви ко врагамъ. Эти завѣты долго представлялись ему требованіями страданій, противъ которыхъ возмущается человѣческая природа. Уяснивъ себѣ, что мысль о непротивленіи злому была центромъ ученія Христа, Толстой понялъ, что Христосъ вовсе не велитъ подставлять щеку и отдавать послѣдній кафтанъ, не требуетъ, чтобы человѣкъ страдалъ, а велитъ только не противиться злому; при этомъ, говоритъ Онъ, придется, быть можетъ, и страдать. Ученикомъ Христа не можетъ быть тотъ, кто тяготится нести всѣ послѣдствія, которыя вытекаютъ изъ исполненія заповѣди о непротивленіи злу.

Не противиться злому—значитъ не дѣлать насилія, т. е. поступка, противоположнаго любви. Если тебя обидятъ, то перенеси обиду и не твори насилія надъ ближнимъ. Завѣтъ о непротивленіи злому, когда считаютъ его не отдѣльнымъ изреченіемъ,